

Все виды человеческой деятельности Толстой поверяет самым главным и важным критерием единения в добре и трудовой жизни: «Дело наше здесь только в том, чтобы делать, как должно, то, что потребуется, т.е. любовно. Вроде того, что запрягать — делать всё то, что соединяет людей, а сделать что-нибудь, *совершить* нам не дано, потому что жизнь наша не есть что-либо цельное, законченное, а есть часть чего-то несоизмеримо огромного, есть конечная частица бесконечного. Дело всё только, чтобы часть прилаживалась как должно к целому» (51, 19—20). Акцент на общем деле, на сопряжении, на духовном единении. Бесконечное, по убеждению Толстого, не освобождает никого от нравственной ответственности и от исполнения воли Отца. Бесконечная цепь бытия лишь подчеркивает значение любого поступка человека в недолгий срок пребывания его в земной юдоли. Человек обязан соотносить свои текущие дела с «неизмеримо огромным» бесконечным.

В «Карме» цепочка вариаций на тему, четко обозначенную в предисловии: «Благо отдельного человека только тогда истинное благо, когда оно благо общее». Разбойник Кандата не совершает никакого доброго дела. Паутина спасения случайна, она никоим образом не связана с предыдущей жизнью Кандаты. Это акт доброй воли Бога (Будды). Его испытывает достигший «блаженного состояния просветления» Будда. Испытания разбойник не выдержал: от эгоизма его не излечили даже долгие годы страданий в аду. Он употребил «усилие» лишь для того, чтобы спастись одному. Толстым неумолимо осуждается «себялюбие».

В «Карме» нет, так сказать, «луковки», нет единичного доброго деяния, составляющего суть притчи Грушеньки. Самая важная и утешительная мысль, вытекающая из басни, — это мысль о неистребимости добра, о радости, которую приносит дающему милостыня; на этом держится этот вечно прекрасный и скверный мир (все скверные и грешные, все «звери», но и все «хороши», так как каждый когда-нибудь сделал что-нибудь доброе, у каждого есть возможность подать другому «луковку», а значит, есть надежда на прощение и спасение, открыта дорога на «пир»). Мысль дорогая Достоевскому, которую в наиболее концентрированном виде выразил герой романа «Идиот» Ипполит Терентьев: «Единичное добро останется всегда, потому что оно есть потребность личности, живая потребность прямого влияния одной личности на другую (...). Бросая ваше семя, бросая вашу „милостыню“, ваше доброе дело в какой бы то ни было форме, вы отдаете часть вашей личности и принимаете в себя часть другой: вы взаимно приобщаетесь один к другому; еще несколько внимания, и вы вознаграждаетесь уже знанием, самыми неожиданными открытиями (...). все ваши мысли, все брошенные вами семена, может быть, уже забытые вами, воплотятся и вырастут; получивший от вас передаст другому. И почему вы знаете, какое участие вы будете иметь в будущем разрешении судеб человечества» (8, 335—336).

«Карма» и «Луковка» — это как два тесно связанных полюса «Фальшивого купона», христианско-буддистский лабиринт мыслей и образов, из которого два пути — один тупиковый, с бесконечными ответвлениями, другой — спасительный. Связаны они согласно тому закону жизни, о котором сказано было Зосимой (эти слова старца любил вспоминать и повторять Толстой): «... всё как океан, всё течет и соприкасается, в одном месте тронешь — в другом конце мира отдается!» (14, 290). Станным и фантастическим образом соприкоснулись и судьбы Николая Николаевича Стрехова и Грушеньки в художественном сне Льва Толстого.